

Анни Латур

ВОЛШЕБНИКИ ПАРИЖСКОЙ МОДЫ

Latur

«MÉMOIRES
DE LA MODE
ОТ АЛЕКСАНДРА
ВАСИЛЬЕВА»

Анни Латур
Волшебники парижской моды
Серия «Memoires de la mode
от Александра Васильева»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6721432

Анни Латур. Волшебники парижской моды: Этерна; Москва; 2012

ISBN 978-5-480-00204-1

Оригинал: AnnyLatour, "Les magiciens de la mode"

Перевод:

Е. А. Макарова

Аннотация

Перед вами своеобразный учебник по истории моды. Анни Латур внесла значительный вклад в сферу Высокой парижской моды, секреты которой она раскрывает в этой книге. Узнаваемый с первого взгляда почерк прославленных парижских кутюрье выработался, по мнению автора, под действием колдовского очарования Парижа, благодаря наследию великих художественных и технических традиций Франции. Латур начинает историю с Марии Антуанетты и ее «министра моды» Розы Бертэн. На протяжении всех лет после Французской революции в каждый период колдовали свои волшебники моды, среди них – Луи Ипполит Леруа, портной, одевавший Жозефину; целая династия Вортов; Жак Дусе; сделавший революцию Поль

Пуаре; наконец, более близкие автору по времени – Люсьен Лелонг, Мадлен Вионне, Маги Руфф, Жанна Ланвен, Коко Шанель, Эльза Скиапарелли, Жак Фат, Кристиан Диор, Юбер де Живанши и др.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	8
Предисловие	15
Введение	19
Процесс рождения художника моды	23
В начале была модистка	23
Роза Бертэн, «министр моды»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анни Латур Волшебники парижской моды

Посвящается Клер и Изабель

Серия «Mémoires de la mode от Александра Васильева» основана в 2008 году

Предисловие, научное редактирование и фотографии из личного архива Александра Васильева

Замечательная книга французской журналистки и писательницы АННИ ЛАТУР «Волшебники парижской моды» впервые вышла на английском языке в 1958 году и мгновенно стала популярной. Российским ценителям

моды пришлось ждать полвека, чтобы увидеть ее в русском переводе. Но лучше поздно, чем никогда! Эти слова стали лейтмотивом серии «*Mémoires de la mode*», которая выходит в издательстве «Этерна» по моей инициативе.

Сейчас все очевиднее проявляются белые пятна в истории моды, глубина незнания и ограниченности в изучении этого предмета. Одним из базовых кирпичиков в фундаменте основополагающих знаний о моде считается книга Анни Латур, давно признанная классикой жанра в Западной Европе. Уверен, что она доставит вам огромное удовольствие и станет одной из любимейших книг в вашей библиотеке.

Александр Васильев

Выражаем благодарность всем, кто оказал нам неоценимую помощь, в частности Жаку Хейму, президенту Синдиката Высокой моды; Полю Кальдаге, директору журнала *Jardin des Modes*; Франсуа Буше, президенту Общества швейного искусства Франции, и его сотруднице мадемуазель Ванье; мадам Вийоне; мадемуазель Смэт, начальнику отделения профсоюзной организации работников моды; мадемуазель Лемарье, так долго проработавшей в Доме Ворта. А также тем, кто ушел из жизни, немного не дождавшись выхода этой книги: Мишелю де Брюнофф, директору журнала *Vogue*; графине де Полиньяк, дочери мадам Ланвен, и Жаку Фату, который был настолько любезен, что подробно позна-

комил нас с принципами работы своего Дома.

Предисловие к русскому изданию

Замечательная книга французской журналистки и писательницы Анни Латур «Волшебники парижской моды» впервые вышла на английском языке в 1958 году и мгновенно стала популярной. Российским ценителям моды пришлось ждать полвека, чтобы увидеть ее в русском переводе. Но лучше поздно, чем никогда! Эти слова стали лейтмотивом серии «*Mémoires de la mode*», которая выходит в издательстве «Этерна» по моей инициативе. Это вторая книга в серии, необходимой как для специалистов, так и для любителей моды. Первыми были знаменитые воспоминания Эльзы Скиапарелли «Моя шокирующая жизнь», также изданные в России впервые.

Диву даешься, сколь малочисленна и часто схематична существующая на русском языке литература по истории моды – предмету всеобщей любви последнего десятилетия. Появление в нашей стране нового социального слоя женщин, развитие образовательной системы всех уровней в области моды, новые глянцевого и научные журналы о моде, а также излюбленный россиянками «оздоровительный шоппинг» привели к тому, что изучение моды стало повальным увлечением. Многие мужчины ищут себе невест в этом мире, профессия дизайнера и стилиста стала сверхпрестижной и востребованной. Поэтому сейчас все очевиднее проявляются бе-

лые пятна в истории моды, глубина незнания и ограниченности в изучении этого предмета. Одним из базовых кирпичиков в фундаменте основополагающих знаний о моде считается книга Анни Латур, давно признанная классикой жанра в Западной Европе и теперь представленная на суд русскоязычных читателей. Написанная легким и образным языком истинной парижанки, одаренной легким пером и метким взглядом умного аналитика, эта книга представляет собой, на мой взгляд, не только увлекательное чтение, но и своеобразный учебник по истории моды с прекрасным информативным материалом, помогающим раскрыть тайны великих парижских создателей моды. Автор помогает заглянуть в закрытый и волшебный мир творцов *Haute Couture*, узнать секреты их успеха или поражения, проследить историческую взаимосвязь художественного творчества и интеллектуального бизнеса.

Диапазон этого интереснейшего исследования очень широк – почти триста лет истории парижской моды, начиная с XVII столетия, когда при правлении Людовика XIV появился портной Лангле, одевавший фаворитку короля мадам де Монтеспан. Его имя упомянуто и в письмах свидетельницы той эпохи, талантливой писательницы маркизы де Севинье, чей прекрасный дворец теперь превращен в Музей истории Парижа. Анни Латур предоставляет ценнейшую информацию по истории модных журналов Франции, приводит не только их названия, даты возникновения, но и дает меткую

и точную характеристику.

Далее автор сосредотачивается на галантном XVIII столетии и изысканной эпохе Людовика XVI, когда модисткой элегантной королевы Марии Антуанетты стала прославленная Роза Бертэн. Латур приводит имена клиентов, заказчиц, подробно описывает интригу взаимоотношений конкурентов – парикмахера Боляра и самой Розы Бертэн.

Одним из ценнейших историко-информативных достояний этого издания можно назвать подробную биографию Луи Ипполита Леруа – создателя гардероба императрицы Жозефины, одного из авторов стиля ампир в костюме. О нем практически ничего не написано в России, и знакомство с творчеством этого незаурядного художника из мира моды наполеоновской поры очень важно как для специалистов, так и для заинтересованных читателей.

В книге рассказывается о годах славы великого Чарльза-Фредерика Ворта – отца-основателя *Haute Couture*. Автор развернуто описывает детство и молодость этого талантливого англичанина, сумевшего не только проникнуть в закрытый мир парижской моды в Викторианскую эпоху, но и сразить своими творениями самую влиятельную даму Франции середины XIX века – императрицу Евгению. Она стала не только «жертвой» экспериментов Ворта, но и его горячей поклонницей до самой смерти легендарного и непогрешимого мэтра мировой моды.

С особой любовью и знанием дела Латур описывает атмо-

сферу и мир моды Belle Époque, тем самым, приоткрывая завесу таинственности над такими хрестоматийными именами известных создателей моды стиля модерн, как Редферн и Жак Дусе. В книге прекрасно представлена каждая эпоха и ее эстетика сквозь призму клиентов кутюрье. Автор рассказывает о вкусах великих французских актрис, главных потребительниц модного рынка на рубеже веков – Сары Бернар, Элеоноры Дусе или несравненной Режан. Мы постарались проиллюстрировать это издание уникальными архивными гравюрами и фотографиями, впервые публикуемыми в России. Вы увидите вышеперечисленных див той безвозвратно ушедшей эпохи элегантности и рафинированного шика, которым славился Париж на весь мир.

На страницах этой завораживающей книги читатель откроет для себя мир Поля Пуаре, Шанель и ее соперницы Эльзы Скиапарелли. Каждый дизайнер уникален по-своему и самостоятельно преломляет эстетические запросы и требования эпохи. Кроме хрестоматийных имен автор увлекательно расскажет вам и о менее медийных персонажах – прекрасных Жанне Ланвен и Мадлен Вийоне, чей Дом недавно был приобретен итальянским магнатом, и его работа возобновлена уже в наши дни.

Точно и объективно Анни Латур пишет о трудные временах Первой мировой войны, экономическом кризисе 1929 года, повлекшим за собой великую депрессию 1930-х годов и, конечно, о Второй мировой войне. Она сама была участ-

ницей французского Сопротивления и даже написала книгу о борьбе своего народа в эти годы лихолетья. Понимая глубинную суть проблем тех лет, она удивительно тонко подводит читателя к периоду послевоенного успеха парижского кутюра, связанного с именами Бальмена, Жака Фата и Кристиана Диора, считавшимися надеждой высокой моды в те годы.

Ценность исследования Латур заключается еще и в том, что она смогла собрать уникальные интервью с сотрудниками домов высокой моды Парижа и лучшими журналистами. Например, она приводит свидетельства мадемуазель Лемарье, старейшей сотрудницы Ворта, проработавшей у него более полувека, или одного из директоров журнала *Vogue* Мишеля де Брюнофф, крупнейшего авторитета в мире моды довоенного Парижа. Необыкновенно ценны сведения, полученные от великой Мадлен Вионне, одной из удивительных создательниц французской моды межвоенной эпохи, автора неоклассических, уложенных по косой, моделей редкого, почти неповторимого кроя.

Уникальна сама методика повествования автора. Анни Латур погружает читателя в атмосферу описываемой ею эпохи, расцвечивает исторический рассказ множеством мелких подробностей, анекдотов и воспоминаний современников. Все это вкуче дает богатый интеллектуальный материал для размышления и понимания сути многих явлений моды.

Словно вышивая гарусом по канве, автор приводит имена

аристократок и портних и связанные с ними истории; вспоминает о Джордже Браммеле, лондонском денди, холостяке и сибарите, так много сделавшем для мира мужской моды в первую половину XIX века; дает точную характеристику светской львице – женщине поверхностной, ничего не читающей, искательнице любовных приключений. Автор убедительно показывает читателям причины вознесения Парижа на высшую ступень иерархической лестницы среди столиц элегантности и шика. Статья *Arbitrum Elegantium* помогли Парижу врожденное у французов чувство вкуса, меры и важнейшая коммерческая составляющая любого успеха – умение продать свои новинки, модные товары и изобретения. Этому нелегкому ремеслу также учит эта книга.

В мире моды много имен. Одни, словно цветы, открываются утром, чтобы закрыться вечером, и рано вянут, другие, как деревья, разрастаются обильной кроной и мощными корнями врастают в почву, но увы, ни цветы, ни даже столетние деревья не вечны. Эстетикой эфемерности моды, ее ветреностью и кратковременностью, в которой и заложен смысл ее существования, пронизана вся книга Анни Латур. Глубокое проникновение в суть процессов позволит читателю не только расширить свой кругозор, значительно углубить знания, но и получить истинное наслаждение от повествования и тех редчайших иллюстраций, которыми снабжена книга. В наши дни мы наблюдаем гибель эстетики моды прошлого века, закат Европы и восход на модный Олимп Азии, не

только как производительницы массовой одежды, но и как создательницы собственных брендов, поэтому эта книга, посвященная европейскому творческому потенциалу, кажется мне особенно важной. В ней вы найдете и отзвуки тех политических, экономических и социальных аспектов жизни человечества, которые побудили многих кутюрье к созданию их новых шедевров.

Сегодня, когда многие пытаются сделать из моды точную науку, схожую с химией или физикой, книга Анни Латур подскажет совсем иное творческое и художественное решение. Взгляд изнутри, наблюдения парижанки, конечно, для нас важнее, чем мысли современного исследователя, не только не жившего в то время, но и тесно не соприкасавшегося с модной индустрией, как таковой. Уверен, что эта книга доставит вам огромное удовольствие и станет одной из любимых книг в вашей библиотеке.

*Александр Васильев,
Париж, 2009*

Предисловие

*Глупец тот, кто в моде видит только моду.
Оноре де Бальзак*

Сейчас и во Франции, и за рубежом начинают наконец понимать истинное значение моды для всего мира. До недавнего времени мода нередко становилась для многих лишь поводом для шуток. Не только в суждениях тех, кто легкомыслен, но и во взглядах людей серьезных, рационалистов она представлялась забавным пустячком.

В этой книге читатель не найдет тех вечных и бессмертных истин, которые пролили бы свет на таинственную логику моды, ведь сама мода следует совершенно особой логике — той, что побуждает деревья весной раскрывать почки, а осенью сбрасывать листву. Мода — всего лишь результат работы некой силы, покрывающей тела животных либо перьями, либо шерстью. Человек просто завершает эту работу, привнося в нее свою индивидуальность, отражающуюся в украшениях, какими он снабжает свои изделия. Точно так же как все клетки нашего организма непрестанно обновляются, мы то и дело меняем кожу, то есть костюмы, платья.

Следовательно, остается признать, что рассматривать эту неотвратимую силу надо с учетом всей глубины действительности, в которой она существует, поскольку эта сила ру-

ководит сменой и времен года, и наших вкусов, формирует новые потребности, отвечает главнейшим нуждам нашей промышленности. В самом деле современная цивилизация развивается в двухтактовом ритме «производство – потребление»; чем больше увеличиваются возможности производства, тем скорее возрастает потребительская способность, а, стало быть, мода делается предметом первой необходимости. Американский экономист У. Ховинг в своей книге «Революция в системе распределения» пишет: «Мода – одна из самых мощных экономических составляющих в системе распределения». Мадам Анни Латур внесла важный вклад в историю моды и тех моделей, что еще находятся в мастерских и работы с которыми ведутся в большом секрете, – в Высокую парижскую моду. Неоспоримая власть знаменитых кутюрье объясняется тем, что они чувствуют колдовской флер, окутывающий этот город, и умело им пользуются, а также тем, что они – наследники давней художественной и технической традиции, восходящей к самому рождению Парижа.

Облегчая нам знакомство со своей работой, мадам Анни Латур начинает рассказывать длинную историю моды со времен королевы Марии Антуанетты¹ и ее «министра моды» Розы Бертэн². То было время наивысшего расцвета француз-

¹ Мария Антуанетта (1755 – 1793) – французская королева, жена (1770) Людовика XIV, тратила огромные деньги на наряды и развлечения, после свержения монархии (1792) была арестована и гильотинирована. – *Здесь и далее прим. вед. ред. серии.*

² Бертэн, Роза (Мари Жанна) (1744 – 1813) – модистка и личная портниха Ма-

ской культуры, подошедшей к самому порогу своего крушения после Французской революции 1796 года. Позже Франция возродилась, но уже с другим государственным устройством. Автор последовательно, от эпохи к эпохе, знакомит нас с волшебниками моды – Бертэн, Леруа, Вормом, Пуаре, Диором, – с историческими персонажами, которые благодаря своему таланту поднимались до близкого знакомства и дружбы с великими мира сего и подчас забывали, что их собственное, эфемерное королевство – не более чем кусок шифона.

Они выбрали профессию, которую Поль Валери³ назвал «безумной профессией», и лучшие из них подчинялись одному закону – создать такое, что на их месте не сделал бы никто.

Мадам Латур, благодаря знакомству с миром моды и средой парижских кутюрье, представила нам вдохновенный, живой и точный рассказ об этом. Ее книга заполняет пробел в недлинной истории моды; волшебная палочка моды дарит новую жизнь некоторым малоизвестным событиям и давно ушедшим персонажам. Книга заканчивается вопросом, который задают себе все художники и служители моды. Вопрос этот стар как мир и просуществует столько же, сколько продлится жизнь на Земле, он будет лишь несколько видоизме-

рии Антуанетты, настоящая законодательница моды своего времени.

³ Валери, Поль (1871 – 1945) – французский поэт, член Французской академии (1927).

няться, приспособливаясь к новым условиям.

*Жак Хейм*⁴

⁴ Хейм, Жак (1899 – 1967) – французский кутюрье, в 1930 – 1940-е гг. был ведущим модельером, отражавшим в оригинальных коллекциях модные тенденции своего времени.

Введение

«Назови, кого ты считаешь самым выдающимся нашим современником», – попросила я как-то одну юную француженку. Она ответила не колеблясь: «Пикассо и Кристиан Диор». Художник и кутюрье!

Инстинктивное чувство девушки неожиданно стало ключом к написанию этой книги. То, о чем рассказывается в ней, – результат моих долгих исследований, позволивших мне описать словами волшебство создания одежды.

Откуда это пришло к нам? Египетские фрески, критские статуи говорят о том, что уже в те далекие времена одежде было присуще благородство красоты, характерное для настоящего произведения искусства. И перед миниатюрами или полотнами старых мастеров мы порой застываем в восхищении, пораженные то безупречной линией корсажа, то застывшей волной умело заложенной складки на платье, то изысканной утонченностью рукава – несомненными признаками работы великих художников швейного дела.

Как нам узнать их имена? Какими они были, эти создатели форм и цветов, изобретатели туалетов, предназначенных прославлять женскую красоту? Создавая свой законченный шедевр, художник закреплял во времени всю мимолетность творения портного. Неужели творцы одежды заслужили эту несправедливую анонимность, которая на протяжении веков

стирала их имена из истории?

Но вдруг вихрь, унесший старый монархический режим Франции, открыл нам их лица. Открыто упоминались имена – всем известные, уважаемые, в ореоле славы. Случилось это в тот самый момент, когда мужской костюм аристократа мало-помалу стал приобретать простоту буржуазного стиля одежды, когда женщина, и только женщина, стала центром моды, вдохновительницей ее поэтической игры воображения.

Странный феномен, и книга эта попытается его объяснить. И даже больше: пролить свет на то, каким образом в обществе, живущем во все более ускоряющемся ритме, появились эти непререкаемые авторитеты, управляющие вкусом, – модистки. Позднее, на заре механизации производства, в швейном деле появилась новая форма – изготовление готового платья и в конце концов новый вид французского искусства – *haute couture*, Высокая мода.

На протяжении столетий французское «искусство жить» и французская мода задавали тон всему европейскому высшему свету. Чувство пропорций, гармонии, соразмерность вкуса и фантазии, скромные цены – все эти качества специфически французские. Кто останется равнодушным к этой стороне жизни, пересекая площадь де Вогезов или площадь де ля Конкорд?

Высокая мода глубоко вошла в самую сущность Франции, в ее плоть и кровь. Она отражает любовь французов к на-

родному творчеству, неприязнь к товарам машинного производства, страсть к индивидуальному созиданию, а также инстинктивную потребность награждать творцов моды дипломами за достижения в искусстве.

Еще до рождения Высокой моды французы уже дали определения искусству и моде. Французский историк Мишле говорил: «Я отдал бы трех скульпторов за одного портного, который чувствует, интерпретирует и доводит природу до совершенства».

Но каким же ничтожным должно казаться старинное портновское ремесло взошедшей на престол Высокой моде! Сейчас знаменитые кутюрье – это художники; они подписывают свои творения, как живописцы и скульпторы – свои шедевры. Они создают свою индустрию; у них работают сотни рабочих и служащих, и художественная продукция давно стала одним из главных элементов национального экспорта. Они не изобретают моду, но, как дирижеры – свои оркестры, ее сопровождают, направляют и помогают подняться до наивысшей точки, пока она сама не обретет чистого и совершенного звучания.

Слава их коротка, а имена быстро забываются; их творения живут только миг. Как нам удержать эти вечные ценности? Цель книги – вернуть стертые лица, воскресить умершие творения и, снова связав все звенья цепи, нарисовать образы кутюрье сегодняшних и вчерашних дней.

Автор хотела бы также отдать должное профессии, кото-

рая привносит искусство в промышленность, коммерцию, в интимную сферу нашей жизни, прививает вкус и продает его, а еще – развивается в изощренной игре с женской натурой и высокой политикой.

Мода – чуткий показатель культуры. Мода развивается от необходимости к искусству и от учебных работ к творчеству изобретателя. У моды своя собственная жизнь, строгие законы, своя власть и секреты.

Процесс рождения художника моды

В начале была модистка

Старый монархический режим ушел в прошлое. Конец его в сумятице дерзких и противоречивых событий трагичен. Новый режим провозгласил право личности на свободу, зажав женщину в очень узкие, как никогда, рамки в отношении моды. Это время создало свою философию, с совершенно новыми идеями, которые произвели революцию в умах; вывело на сцену новый образ: тесьма, атласные оборки, бант из кружев, – одним словом, силуэт модистки.

Вот она собственной персоной, надменная и самоуверенная. А почему бы ей не быть такой? Графини, маркизы, даже королева – все добиваются у нее аудиенции. Ей доверяют дела государственной важности: создать платье с гарнитурой для придворного бала, приема у королевы, вплоть до прически как у королевы.

Вот она едет в свою мастерскую, расположенную на улице Сент-Оноре. А среди каких декораций появляется этот персонаж! Справа – пышное жилище какого-то богатого се-

ньора, чуть подалее – тихий отель Князя Церкви⁵, слева – роскошный дворец откупщика, разбогатевшего на циничных воровских операциях. Тем не менее на этой же улице живет и мадам Жеоффри. Ее салон – королевство здравого смысла. Здесь прославляют права человека, подписывают приговор мифу о государственном суверенитете. Частые гости здесь – самые дерзкие умы того времени: Дидро⁶, Д’Аламбер⁷, великие натуралисты, как, например, Бюффон⁸, реформаторы общественного строя, как Тюрго⁹. Здесь царит разум, а вовсе не дух фривольности.

Но этот мир легкомыслия и беспечности сумел приноровиться к существованию с соседями. И создал свое, особое королевство – королевство моды. На улице можно встретить все и в любом количестве, что пользовалось любовью в этом

⁵ Термин в настоящее время употребляется исключительно в отношении кардиналов Римско-католической церкви, но в прошлом использовался для всех высших священнослужителей (епископов, архиепископов и даже аббатов).

⁶ Дидро, Дени (1713 – 1784) – французский философ и писатель, основатель знаменитой «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусства ремесел», был идеологом третьего сословия и создателем тех идей просветительского века, которые подготовили умы к Французской революции.

⁷ Д’Аламбер, Жан Лерон (1717 – 1783) – французский математик, механик и философ-просветитель. Участвовал вместе с Дидро в создании «Энциклопедии».

⁸ Бюффон, Жорж Луи Леклерк (1707 – 1788) – французский естествоиспытатель, натуралист, автор «Естественной истории» в 36 томах.

⁹ Тюрго, Робер Жан (1727 – 1781) – французский политический деятель, экономист, стремился поднять благосостояние населения, имел много врагов, в том числе Марию Антуанетту.

королевстве: пудру, румяна, перчатки, веера, шейные платки и перья. Этим лавочкам, где продавались модные и элегантные товары, совсем не нужны таблички с номерами домов, установки которых тщетно требовали от владелиц городские власти. Разве недостаточно очаровательных вывесок у входа? Например, «Золотое руно» (косметическая вода стирает морщины и шрамы от ветряной оспы), или «Золотая повязка», или – «Вкус королевского двора»: предлагает модные новинки с изысканной фантазией. Вот лавочка мадам Баре, возлюбленной Казановы, у нее он покупал, и не напрасно, огромное количество ненужных ему пар чулок.

На пороге своей элегантной лавочки появляется сапожник. Не простой ремесленник, а художник своего дела. Одет в черное, куртка расшита шелком, парик напудрен. Он знает, как вести себя с пришедшей к нему клиенткой – маркизой. «Я счастлив, – говорит он ей, – обусть ваши ножки. Сейчас снимут с них мерку, я доверю сделать это только самому лучшему своему мастеру». Маркиза пожаловалась, что туфли слишком быстро изорвались. «О, понимаю, – восклицает сапожник, – мадам, наверное, гуляла!»

В самом деле, какая дама осмелится ходить пешком! Экипажи снуют беспрерывно по улице Сент-Оноре. Перед лавочкой «Галантный поступок» остановилась карета фаворитки: мадам Дюбарри¹⁰ приехала купить у модистки расши-

¹⁰ Дюбарри, Мари Жанна (1743 – 1793) – куртизанка, любовница Людовика XV, во время Французской революции казнена на гильотине.

тые воротнички и веер. Вспоминает ли она, как меньше чем десять лет назад как раз в этой лавочке под строгим взглядом знаменитой модистки мадам Лабиль сама вышивала те же украшения для придворных дам, теперь они склоняются перед ней в низком поклоне.

Актрисы приходят в лавку Монклер купить румяна и духи. А как же, весь Париж знает, что ее поставщик, господин Дюпон, изготавливает разные сорта помады в зависимости от социального положения заказчицы! Придворные дамы покупают очень яркую помаду сразу на целый луидор. Не такие знатные и богатые приобретают небольшую баночку за шесть ливров. У помады тоже свое иерархическое деление: на верхней ступени стоит помада алого, пунцового цвета, которая предназначена для высших аристократок, на низшей – розового, почти телесного оттенка, ею пользуются только куртизанки.

«Хотелось бы обнаружить на дне этих баночек весну в самом ее расцвете», – так писал Себастьян Мерсье¹¹, язвительный литературный критик своего времени, автор сборника очерков «Картины Парижа», написанных в 1781 – 1788 годах. В витрине мадемуазель из Сен-Квентина под вывеской «Великолепный» красуется одна из модных кукол: эти по-

¹¹ Мерсье, Луи Себастьян (1740 – 1814) – французский писатель, противник классицизма. Наиболее знаменитое произведение – утопический роман «Год две тысячи четыреста сороковой. Сон, которого, возможно, и не было», где анонимный рассказчик видит сон, в котором совершает экскурсию по Парижу далекого будущего.

сланницы новых веяний французского вкуса каждый месяц прибывают во все крупные города Европы, от севера до юга. В самом деле, какая дама осмелится появиться при императорском дворце, будь то в Вене, Петербурге или Мадриде, не проникнув предварительно в дошедший из Парижа секрет нового способа повязывать шейный платок, не усвоив последней манеры набрасывать палантин или не попробовав недавно придуманной прически?

Именно здесь, в центре этого кружащегося мира, появляется наша надменная модистка. Уверенные шаги замедляются у лавочки с вывеской «Великий могол», она входит, она — у себя: знаменитая Роза Бертэн, первая волшебница моды в длинной череде художниц вкуса. Она первой указала дорогу, по которой позднее пойдут гениальный декадентский Леруа, Шарль Фредерик Ворт, великий создатель Высокой моды, и все знаменитые кутюрье вплоть до наших дней. Окруженные сиянием парижского блеска, возникают все новые имена творцов, приспособляющих французскую моду к привычкам и обычаям разных народов мира.

Как удалось Розе Бертэн, всего лишь модистке, чья единственная задача в те времена была лишь придумать украшение для платья, настолько возвысить свою роль, обойдя по значимости такие профессии, как закройщик и портниха? Почему ее царствование начинается именно в эту эпоху крушения старого (монархического) режима, хотя Франция уже тогда на протяжении долгого времени диктовала свой стиль

жизни высшему сословию всей Европы?

Уже в Средние века одежда кукол, привозимых из Парижа, знакомила императорские дворы Англии, Испании и Баварии с модными фасонами. Даже в эпоху Ренессанса, когда господствовал итальянский вкус, мир моды и элегантности следил за Парижем. На площади Святого Марка выставлялись французские куклы, демонстрировавшие богатым горожанам Венецианской республики, как им следует одеваться. Но было бы ошибкой полагать, что костюмы, которыми мы восхищаемся, глядя на полотна старых итальянских мастеров, – это общепризнанный образец вкуса того времени: приближенные короля Франциска I¹² откровенно насмеялись над яркими расцветками смелых платьев итальянок. А каким огромным уважением пользовались эти куклы в XVII веке! «Великая Пандора¹³» в придворном платье, «Маленькая Пандора» в дезабилье обладали «иммунитетом неприкосновенности»: даже во время войн вражеские флоты прекращали огонь при виде корабля, везущего этих ценных «посланниц-дипломаток».

¹² Франциск I (1494 – 1547) – французский король (1515 – 1547) из династии Валуа.

¹³ В греческой мифологии – женщина, созданная Гефестом по приказу Зевса, которая выпустила из сосуда на волю все беды и несчастья человечества.

В литературе и частной переписке очень редко встречаются упоминания о портных. Но даже если и встречаются, там не найти описаний их творений, ни строчки о внешнем виде, фасоне платья, зато в избытке – фантазии о том, как украсить наряд, о поисках редкого узора для вышивки. Маскариль, персонаж Мольера из комедии «Смешные жеманницы», восхищается одной деталью: «Хорошо ли подобрана лента?» И Мадлон отвечает в манере «жеманниц»: «Прямо ужас, как хорошо. Настоящий пердрижон^{14!}»¹⁵ Мадам де Севинье, писательница, оставившая большое эпистолярное наследие, в одном письме к своей дочери описывает ткань, из которой портной Лангле сшил платье для фаворитки короля Людовика XIV мадам де Монтеспан: «...золото по золоту, обшито золотом, поверху вытканы завитушки из золотых нитей пополам с другими золотыми нитями, которые делают эту ткань столь божественной, что даже вообразить нельзя...» Это казалось настолько в духе портного, что при появлении фаворитки в этом платье все присутствующие воскликнули: «Ах, это Лангле!»

Тем не менее портных никто и не думал воспринимать как настоящих художников, и творения их рук так и оставались

¹⁴ Парижский лавочник.

¹⁵ Перевод Н. Яковлевой.

безымянными. Правда, их зажимали тесные рамки корпоративных законов, вкупе представлявших собой негибкую и устаревшую систему. Сам крой тоже следовало выполнять по незыблемым правилам, существовавшим как для помпезных, богато украшенных мужских камзолов, так и для женских платьев с корсажами на китовом усе и твердыми каркасами для юбок в основе.

Впрочем, модникам и модницам удавалось уговорить своих портных разнообразить каждый туалет какими-нибудь деталями, придуманными в соответствии со вкусом заказчика. Но еще чаще обязанность отделки платья возлагалась на горничных: зная толк в кройке и шитье и обладая хорошим вкусом, они выбирали кружево, газ и тюль и посредством их придавали туалетам своих господ особый, непохожий на другие облик.

Нужно помнить, что изготовлением женских платьев вплоть до последней трети XVII века занимались исключительно портные-мужчины. Разумеется, некоторые женщины решались вступить на опасный путь придумывания новых моделей, и заказчицы сумели оценить изящество их работ, но это занятие, запрещенное законом, грозило большими опасностями. Сколько раз негодующие портные врывались в ателье первых кутюрье-женщин, размахивая сборником законов корпорации, уничтожали незаконченные наряды и отбирали ткани и аксессуары! Наконец терпящие различные притеснения кутюрье-женщины осмелились – это случилось

в 1675 году – дать решительный отпор и подали королю прошение о предоставлении им права изготавливать «юбки и другую удобную одежду», подкрепляя свою просьбу тем аргументом, что «вполне благопристойно и в духе целомудрия и скромности разрешать женщинам и девушкам заказывать одежду у особ одного с ними пола». Склонившись к плечу Короля-Солнце, благочестивая и стыдливая мадам де Ментенон¹⁶ тоже читала текст прошения, соглашаясь с каждым его словом. Призыв к чистоте нравов возымел действие, и женщины-кутюрье завоевали право на существование.

* * *

Проходили годы, заполненные бесчисленными дразгами соперничающих сторон. Время смело их все, не оставив и следа. Пробил час Ватто¹⁷ и Фрагонара¹⁸. Волюты¹⁹ и рокайли²⁰, обивочные ткани нежных оттенков, которыми отделывались потайные будуары, изысканность роскоши, кокет-

¹⁶ Фаворитка Людовика XIV, Короля-Солнце.

¹⁷ Ватто, Антуан (1684 – 1721) – французский живописец и рисовальщик, его творческие устремления положили начало новому этапу в развитии французской живописи, графики и декоративного искусства.

¹⁸ Фрагонар, Жан Оноре (1732 – 1806) – французский живописец и график, рисовал галантные и бытовые сцены.

¹⁹ Архитектурный мотив в форме спиралевидного завитка с «глазком» в центре, деталь карнизов, порталов, окон, дверей.

²⁰ Орнамент в виде стилизованной раковины.

ства и любовной игры – эти черты присущи стилю, родившемуся из фантазии этих художников, а вместе с ним появилась и новая профессия – модистка. В своей работе модистка, эта «новенькая» в портновском цехе, руководствовалась одним-единственным правилом – вдохновением. Она отделяла платье, основу которого готовил кутюрье, под ее руководством создавались головные уборы, чепцы, шейные платки и мантильи, пришивались рюши, кружева и оборки. Модистка-художница придавала платью свою индивидуальность, особое дыхание и грацию.

Модистка и ее молодая помощница доставляют заказчице платье. Иллюстрация из журнала *Galerie des Modes et Costumes Français*, ок. 1780 г.

Сам крой с годами оставался неизменным. А вот отделка менялась в стремительном ритме, сама модистка, подхлестываемая своей фантазией, еще более его ускоряла. Теперь именно она дарила женщинам эту непостижимость, не поддающуюся определению субстанцию, что наполнила поэзией

и очарованием «галантный век».

Мерсье в книге «Картины Парижа» дает такое определение модистки: «Портные выкраивают и сшивают все детали женской одежды, создают основу платья и корсеты – они каменщики на стройке; а модистка, которая придумывает аксессуары, вдыхает в платье грацию, заворачивает такую удачную складочку, по преимуществу архитектор и декоратор». Архитектор и декоратор – именно ими позднее станут Ворт, Бионне, Пуаре, Диор...

Чтобы понять богатство и разнообразие отделок платьев, нужно уметь проникнуться фантазиями модисток. Самый сухой справочник «Исторический словарь города Парижа», изданный в 1779 году, рассказывает: «Количество модных фасонов женских чепцов довольно значительно. Их около двухсот, стоимостью от двух до ста ливров. Предлагается сто пятьдесят видов отделок: газом, кружевами или мехом...»

Во всем этом изобилии отделок каждой полагалось иметь свое, отличное от прочих название, чаще всего яркое, запоминающееся. Точно так же сейчас даются имена платьям haute couture. Вспомним некоторые из старинных названий: «нескромные стоны», «невысказанные желания», «нежные улыбки», «в опьянении», «бесчувственность», «мгновение»...

Клиентка на примерке платья у своего портного. Иллюстрация из журнала *Galerie des Modes et Costumes Français*, ок. 1780 г.

Но проходило время, и «модные» куклы уже переставали служить образчиками последнего крика моды. На протяжении времени, пока их доставляли за границу и даже во французские провинции, украшения и шляпки уже выходили из моды. Даже альманахи и сборники мод, такие как *Le*

Monument des Costumes («Образец костюма», 1774), *Galerie des Modes et Costumes Françaises* («Галерея мод и французского костюма», 1778 – 1787), с их бесподобными иллюстрациями не поспевали за стремительным изменением вкуса.

И вот появилась новинка – первая газета мод. Раз в две недели *Cabinet des Modes* («Кабинет мод») – первый номер вышел 17 ноября 1785 года – поступал в продажу. В газете помимо восхитительных цветных гравюр было восемь страниц текста с подробной информацией о создании новых направлений моды во всей свежести недавнего изобретения: одежда, украшения, чепцы, накидки, туфли, драгоценности, письменные столики, наиболее рекомендуемый внешний вид экипажей.

Меньше чем через полгода газета взяла другое название, поддавшись настроению англomanии, царившему во французском обществе в то время, – *Magasin des Modes Nouvelles Françaises et Anglaises* («Журнал новых французских и английских мод»). В английской столице журнал имел своего корреспондента, и тот регулярно присылал в издательство рисунки, наброски всех лондонских модных новинок.

С той поры и в Англии, и в Германии, и в Италии количество журналов мод множилось день ото дня. Очень часто в них публиковались, естественно без упоминания источника-оригинала, модели – просто-напросто пиратские копии французских нарядов, но выполненные с гораздо меньшим изяществом. Но даже этот факт «пиратства» в области мо-

ды, дошедший до наших дней, свидетельствует о проявлении вкуса самих издателей.

Впервые ремесло модистики получило не только признание, Дидро в 1765 году в своей «Энциклопедии» так определил ее место в обществе: «Прошло так мало времени с тех пор, как появились модистики и взяли себе это имя. Именно тогда они перестали заниматься торговлей галантереей и приступили к торговле модными товарами».

Водевильная актриса Дюран в costume эпохи Людовика XVI, Париж, 1780-е гг.

Современные кутюрье в этих нескольких строках найдут подтверждение признания своей деятельности и память о первых шагах своих предшественников в общественной жизни. С того времени модистки, завершавшие создание и отделку одежды, не признавали никаких ограничений, которым вынуждены были подчиняться портные и простые ремесленники. Ведя свое происхождение из уважаемой корпорации торговцев галантерейными товарами, модистка в период правления Людовика XVI стала принадлежать к третьему сословию и занимала уже высшую ступень в буржуазной иерархии.

Новый век начался, умение мыслить и дар изобретательства перешли в активную фазу. Общество открыло для себя, что хорошая профессия – капитал более надежный, чем мешок золота. Повсюду открывались ателье, и «парижские штучки», шагнувшие далеко за пределы Франции, подчинили своему вкусу весь мир.

Третье сословие служило, по сути, настоящим банкиром королевского двора и аристократии, с невероятной скоростью влезавших в долги к художникам, торговцам, и особенно модисткам. Первый и самый главный должник – королевский двор, уже неплатежеспособный.

Обслуживание дворянства в кредит разоряло модисток. С первыми залпами революции они поняли, что их роскошные лавочки построены на песке. Кто теперь оплатит им счет эле-

гантного дворянина, любителя модной одежды? А он солидный, этот счет... И модисток, и их клиентов постигла одна и та же участь – разорение.

Пока те и другие перебивались как могли, молодая кокетка Мария Антуанетта дала аудиенцию Розе Бертэн, чтобы установить закон на моду. Аристократы униженно добились визита к самым известным модисткам, буржуа едва осмеливались переступить порог их лавочек. Кого не ослепит это все и даже не испугает: стены отделаны драгоценными деревянными панелями, всюду мраморные барельефы и медальоны, зеркала и люстры из самой Вены; портреты разодетых, в пышных бантах клиентов. Торговцы и модистки сделали торговлю благородным занятием, они устраивали приемы, выезжали в каретах, вели такую же жизнь, как знатные дамы и сеньоры, стали значительными персонажами, которым французская мода, уже завоевавшая мировое признание, обязана своим блеском.

Роза Бертэн, «министр моды»

Обитатели парижской улицы Пикардии, известные своей работоспособностью и упорством, ловкостью и изобретательностью, отличались еще чувствительностью и вспыльчивостью. Роза Бертэн, известная модистка, была одной из них; она принесла в Париж с его воинственным духом и любовью к добротно сделанным вещам свое собственное воображение художественной натуры.

Ни один кутюрье, даже из самых знаменитых, никогда не поднимался до того уровня славы, на каком стояла она. Никто из ее собратьев по цеху не удостоился биографических статей в энциклопедиях; даже имя великого Ворта, гениального создателя *haute couture*, появилось в подобных изданиях далеко не сразу. Имя Розы Бертэн часто встречалось на листках писем, в записных книжках, мелькало на страницах газет – и стало знаменем французского вкуса. Ее искусством восхищались, над ее тщеславием смеялись, но она была везде, она была необходима, она властвовала.

Два литератора решили написать историю ее жизни. Перерыли архивы, рукописи, все документы о ее судебных тяжбах, личные письма и счета. Известный кутюрье прошлого века Жак Дусе²¹ собрал в своей коллекции большую часть

²¹ Дусе, Жак (1853 – 1929) – французский кутюрье, в 1875 г. открыл Дом Высокой моды, специализировался на вечерних платьях из атласа и шелка, ввел в

сохранившихся документов, касающихся Розы Бертэн (сейчас они находятся в библиотеке, носящей его имя).

Жизнь Розы Бертэн – это роман, так стоит ли удивляться, что эта жизнь стала легендой? И родилась она, согласно правилам возникновения легенд, из неправды. В 1824 году, спустя одиннадцать лет после смерти Розы Бертэн, появились ее «Воспоминания». Сент-Бёв²² благодаря аналитическому складу ума сразу угадал в этой книге коммерческую затею. Сегодня мы знаем имя автора этих «Воспоминаний» – некто Жак Пеше, популярный в свое время литератор и отчаянный роялист, спасшийся от гильотины лишь бегством. Именем Розы Бертэн он воспользовался для того, чтобы написать книгу, восхваляющую королеву. Воспоминания модистки соединились в ней с такими же недостоверными мемуарами принцессы де Ламбаль²³, мадам Дюбарри, воспоминаниями куафера Леонара и многочисленных лакеев и горничных, а кроме того, с несметным количеством ложных писем Людовика XVI, которые наводнили книжный рынок эпохи

моду цветовую гамму рококо. Собрал ценную коллекцию живописи и предметов прикладного искусства XVIII в.

²² Сент-Бев, Шарль Огюст де (1804 – 1869) – французский писатель, яркий представитель романтизма. Но основная сфера его деятельности – история литературы и литературной критики, в которой создал свой метод, получивший позже название «биографического».

²³ Ламбаль, Мари Тереза Луиза Савойская (1749 – 1792) – родственница французской королевской семьи, приближенная королевы Марии Антуанетты; во время революции, узнав, что побег королевской четы в Варенну не удался, вернулась к ним в Париж, была арестована и казнена. – *Прим. пер.*

Реставрации.

Роза Бертэн, «министр моды». Гравюра Жанине с портрета художника Ж. Дюплесси

След Розы Бертэн следовало искать в более надежных источниках. Из них выяснилось, что родилась она в 1747 году в Аббевиле, местности, где все занимались ткачеством; но отец ее служил лучником в отряде конной стражи. Первое свое образование она получила в родном городе, затем – в Париже, где впервые мы встречаем ее в 1773 году в связи с упоминанием об открытии ее собственной лавочки «Великий могол».

В 1776 году она вступает в Синдикат, новую корпорацию модисток; в 1792 году уезжает за границу; в 1800 году возвращается и окончательно обосновывается в Париже. Умерла Роза Бертэн в 1813 году. Огромное количество документов раскрывает нам имена ее клиентов, цены на ее продукцию, посвящает в тайны ее жизни, личных покупок, судебных процессов, наследства и наследников.

Биографы в начале своих рассказов с удовольствием повторяют один анекдот – правда это или нет, но он так ей подходит, что его стоит рассказать и здесь. Как-то раз Розе Бертэн, тогда еще ученице у модистки Пагель, поручили отнести готовый туалет во дворец принцессы де Конти. Прибыв по адресу, мастерица увидела в плохо освещенной прихожей молодую женщину. Не разобрав в темноте, что перед ней знатная дама, Бертэн приняла ее за горничную и заговорила с той как с равной, пересыпая свою речь шутками. Принцессу этот эпизод рассмешил; впоследствии она с удивлением обнаружила в девушке подлинную индивидуальность и сразу стала ей покровительствовать. Молодая аристократка заказала мастерице сшить приданое для дочери герцога де Пентьевра. А после своей свадьбы с герцогом де Шартром стала одной из самых знатных клиенток Розы Бертэн.

Жак Пеше, автор «Воспоминаний», не сберег для нас ни слова правды о Розе Бертэн, что уж говорить о других модистках. Возможно, ей случалось целомудренно отвергать знаки внимания герцога де Шартра, того самого, который

позднее станет герцогом Орлеанским и под именем Филиппа-Равенство²⁴ будет голосовать за смерть короля Людовика XVI.

1

Герцогиня де Шартр, дама снисходительная – а какая дама в XVIII веке не снисходительна? – оказала к тому же Розе Бертэн финансовую помощь, чтобы та смогла обосноваться на улице Сент-Оноре и открыть там свою лавочку модных товаров. Она и ее свояченица, принцесса де Ламбаль, были без ума от своей модистки и даже представили ее жене наследника престола. Вот так Роза Бертэн появилась перед Марией Антуанеттой. Впрочем, австрийский посол писал Марии Терезии, что юная супруга дофина небрежна в своем туалете. Но модистка вошла в открытую дверь, и этого оказалось достаточно, чтобы будущая королева Франции стала самой обворожительной кокеткой. Нудный придворный этикет нагонял скуку на шестнадцатилетнюю Марию Антуанетту. Юная, она жаждала удовольствий, искала развлечений, а муж, наследник, старше ее на год с небольшим, неповоротлив, лишен всякого воображения и фантазии. Он любил охоту и еще одно занятие, довольно простонародное, которому предавался всей душой, – слесарное дело. Как он не видел красоты своей жены, ее веселого нрава, живости, люб-

²⁴ Герцог Орлеанский, Луи Филипп Жозеф (1747 – 1793) – представитель младшей ветви Бурбонов, до смерти своего отца носил титул герцога де Шартра, после революции 1789 г. заигрывал с якобинцами и называл себя Филипп-Равенство, казнен на гильотине в 1793 г.

ви к жизни? Модистка золотой заколкой прихватила ее белокурые волосы, украсила прическу несколькими цветочками пастельной расцветки, прикрыла еще детские плечики принцессы кружевной косынкой, быстрым жестом изогнула китовый ус и вставила в корсаж платья, обрисовав волнующий профиль молодой груди и взметнув в полет жесткие фижмы²⁵. Зеркало показало Марии Антуанетте образ молодой красавицы, спорхнувшей с полотен Буше²⁶ или Фрагонара, написанных во времена Галантного века.

Когда юная дофина отослала матери, Марии Терезии, свой портрет, та пришла в ужас: на нее смотрела актриса, но никак не будущая королева Франции!

Через два года Мария Антуанетта взойдет на трон, и старая императрица забеспокоится по поводу ужасной тяжести короны, которую такой юной паре предстоит нести. Прошел еще один год, и эти тревоги вылились в конкретные слова: «...не могу не затронуть тему, к которой так часто возвращаются в газетах, а именно твои прически! Говорят, они вздымаются вверх на высоту в тридцать шесть дюймов, а наверху еще перья и ленты!»

Мадам Кампан, преданная королеве дама, ведающая оде-

²⁵ Юбки с жестким каркасом в виде обруча, вставляемого под юбку у бедер для придания пышности фигуре (*фр.*).

²⁶ Буше, Франсуа (1703 – 1770) – французский живописец, рисовальщик, гравер, декоратор, с 1755 г. директор Королевской мануфактуры гобеленов, с 1765 г. директор Королевской академии живописи и скульптуры и «первый живописец короля».

ванием Марии Антуанетты и ее доверенное лицо, расписала в своих мемуарах (тоже недостоверных) любовь королевы к нарядам, возникшую под влиянием Розы Бертэн. Увы, все дамы хотели носить украшения как у королевы, рискуя разорить мужей. Говорили, что общая безумная страсть к драгоценностям стала причиной гибели аристократии.

До молодой Марии Антуанетты не доходили эти слухи, разраставшиеся с каждым днем. Ее плохое настроение объяснялось лишь необходимостью подчиняться строгому этикету Версальского королевского двора, в частности наводящему скуку церемониалу пробуждения: едва королева открывала глаза, множество придворных дам, окружив ее кровать, принимались ее торопить. Дама, отвечающая за честь королевы, протягивала ей юбку, отвечающая за одевание – рубашку. Каждый жест не просто движение, а официальная обязанность, за право исполнять которую боролись даже принцессы: это высокая честь – одевать королеву, лить воду тонкой струей ей на руки, вытирать после купания... Королеве передавали альбом с образцами ее туалетов; острием длинной булавы она указывала, какое платье хочет надеть сегодня... В тяжелых коробках ей приносили нижнее белье, придворные платья, наряды для интимных ужинов.

Прически и шляпы времен Марии Антуанетты. Гравюры, 1780-е гг.

Разве могла Мария Антуанетта найти утешение в таком количестве формальностей! Едва туалет был закончен, королева убегала от своей свиты. В личных апартаментах ее ждала Роза Бертэн. Обсуждать модные новинки и утверждать правила хорошего вкуса на сегодняшний день они предпочитали вдвоем. Модистка при любой возможности не забывала ссылаться на свою «работу» с королевой. Стоило какой-нибудь знатной даме войти в ее лавочку, та тут же оборачивалась к своим помощницам: «Покажите мадам образцы моей последней работы с Ее Величеством!» Ну как не назвать ее «министром моды»? Достаточно полистать книги счетов, чтобы составить представление о знатности и широте ее кли-

ентуры. Открываем страницу наугад и натываемся на имена королевы Испании, королевы Швеции, герцогини Люксембургской, герцогини де Шартр, графини де Талейран, герцогини де Мазарини, герцогини Девонширской, герцогини Вюртембергской, супруги будущего российского императора Павла I...

Последняя любовница Людовика XV мадам Дюбарри, изгнанная после его смерти, через два года вернулась во Францию, и снова имя ее замелькало на страницах книг. Правда, это случилось меньше чем за год до ее казни во время Великой французской революции; ее долг модистке составлял сорок тысяч ливров. Роза Бертэн, вознесенная на вершину своего триумфа, могла позволить себе не принимать заказы от дам буржуазного сословия: все свое время и свой талант она обязана отдавать королевскому двору и иностранным принцессам.

Баронесса д'Оберкирх, автор известных мемуаров, рассказывает нам о неутивающем любопытстве, которое знатные дамы проявляли к творениям модистки, о толчее, возникавшей у порога ее лавочек. «Мадемуазель Бертэн, – писала она, – казалась мне человеком весьма необычным. Надувшись от сознания своей важности, она держала себя на равных с принцессами крови... Манера разговаривать этой мадемуазель в высшей степени занимательна: смесь высокого слога и просторечия бесцеремонно лилась нескончаемым потоком, когда можно было обойтись одной короткой фра-

зой. Но в то же время она умела одним дерзким словом расставить все по своим местам. Королева по своей обычной доброте принимала ее запросто, чем модистка злоупотребляла, полагая, что такая королевская приязнь дает ей право важничать».

Теперь прочитаем несколько строк из «Секретных мемуаров», написанных Башомоном²⁷, в которых говорится о проезде королевской четы по улице Сент-Оноре по случаю праздника, устроенного в Нотр-Дам в феврале 1779 года. Мадемуазель Бертэн находилась на балконе своего дома в окружении тридцати помощниц. «Ее величество заметила модистку и воскликнула: “Ах! Вот мадемуазель Бертэн”. И приветственно помахала ей рукой... Король поднялся и аплодировал ей обеими руками, вся королевская семья поступила точно так же. Куртизанки, подражая своему покровителю, не преминули склониться в поклоне, проезжая под ее балконом...»

С большим беспокойством приняла Роза Бертэн прошение об увольнении от своей лучшей работницы мадмуазель Пико, пожелавшей ни больше ни меньше как открыть собственную модную лавочку. Досада ее была так велика, что она не побоялась в Зеркальной галерее, в нескольких шагах от апартаментов королевы, плюнуть ей в лицо. Оскорблен-

²⁷ Башомон, Луи Пти де (1690 – 1771) – французский литератор, автор книги «Секретные мемуары для истории республики изящной словесности», известные под названием «Мемуары Башомона».

ная мадемуазель подала на обидчицу в суд. Розу Бертэн приговорили к выплате небольшого штрафа. Она подала жалобу, но ее снова приговорили к тому же наказанию. Бертэн отрицала сам факт оскорбления: «Чтобы я, – возмущалась она в вышедшем отдельной брошюрой меморандуме, – совершила такой низкий поступок?! Да еще во дворце, рядом с покоями королевы!» Это забавное дело целый год давало пищу для салонных сплетен. Сам Гримм²⁸ рассказывал о нем в письме к Дидро.

Вот еще выдержка из частного письма 1778 года одной провинциалки, приехавшей к Бертэн заказать несколько головных уборов: «Модистка в элегантной блузе полулежала в шезлонге и едва соблаговолила приветствовать знатную даму чуть заметным кивком головы. Она позвонила, и явилась молоденькая обворожительная нимфа, звали ее мадемуазель Аделаида. “Дайте мадам, – сказала м-ль Бертэн, – чепчики, что мы сшили в прошлом месяце”. Но дама хотела посмотреть совсем новые чепцы. “Это невозможно. Во время моей последней работы с королевой мы остановились на том, что новые, более современные модели чепцов появятся в продаже не раньше чем через неделю”».

На протяжении всего века мы не раз встретим похожие

²⁸ Гримм, Фредерик Мельхиор (1723 – 1807) – немецкий литератор, публицист, критик, дипломат. С 1753 г. издавал рукописную газету *Correspondance Litteraire Philosophique et Critique*, известную как «Литературная корреспонденция», знакомившую королевских особ с культурной жизнью Парижа. С 1759 г. Дидро освещал в ней выставки живописи в Лувре.

черты и у других известных кутюрье. Без сомнения, подобная надменность была порождена довольно неопределенным социальным положением кутюрье. Они часто посещают знатных особ, обойтись без них нельзя, но их собственный ранг никем не определен. Вот они и пытаются подняться над бесцеремонностью своих клиенток, так часто им демонстрируемой. Персонаж, чей прототип – Роза Бертэн, появился даже на театральных подмостках. Еще больше ее чествуют словно богиню: поэт Жак Делиль²⁹, большой знаток и переводчик «Георгик» Вергилия, восхваляет ее в стихах как настоящую художницу. В стихотворении «Фантазия» он воспевае моду, любимую дочь фантазии, и ее жрицу, умеющую преумножить и оттенить очарование, подаренное природой:

*Когда талант Бертэн вспыхнул ярким светом,
Ткань, послушная игре ее рук, сотни фасонов открыла
нам,
Ниспадала накидками, шаялями, скручивалась тугими
поясами;
Как художник своею кистью, так она игрой дарит нам
краски мира,
Сияние бриллиантов, нежность цветов;
Муар волнуется длинными, текучими складками,
Он парус для любви, бант триумфатора – для славы...*

²⁹ Делиль, Жак (1738 – 1813) – французский аббат, переводчик, литератор и поэт.

Бухгалтерские книги мадемуазель Бертэн, исписанные ее легким, изящным почерком, подробные описания – сами по себе поэмы – раскрывают перед нами очарование XVIII века: в них есть все – короткие дамские накидки из лебяжьего пуха, банты из тафты, тюлевые оборки, тонкое кружево, вышивки жемчугом и цветными камнями, муслиновые цветы розы со стебельками, шипами и лепестками. Эти маленькие шедевры, созданные безупречным вкусом больших художников, останутся в веках, запечатленные легкими пастельными штрихами. Все они собраны в этих книгах, чтобы придать привилегированному обществу облик высшей утонченности... но за какие цены! Роза Бертэн для своей работы покупала только самый дорогой материал; одной клиентке, которая вздумала спорить по поводу предъявленного счета, модистка гневно ответила: «А художнику Верне³⁰ вы что, платите только за холст и использованные им краски?»

Доброе имя Бертэн привлекало к ней иногда довольно необычных клиентов, как, например, шевалье д'Эона³¹, секретного агента короля. Переодевшись в женское платье, он выполнил несколько важных поручений монарха. Мария Ан-

³⁰ Верне, Клод Жозеф (1714 – 1789) – французский живописец, один из самых выдающихся пейзажистов своего времени. Его большие холсты приобретались для украшения дворцов по всей Европе. – *Прим. пер.*

³¹ Д'Эон, Шарль де Бомон (1728 – 1810) – секретный агент французского королевского двора. Известен своим искусством перевоплощения в женский облик. В 1755 г. в качестве чтицы находился при дворе императрицы Елизаветы Петровны; вывез из России документ, известный как «Завещание Петра». – *Прим. пер.*

туанетта направила шевалье к Розе Бертэн, и в августе 1777 года д'Эон написал министру иностранных дел Вержену: «После Бога, короля и его министров мадемуазель Бертэн больше всего сделала для моего чудесного превращения».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.